

V.I. Tyunin, T.A. Badzgaradze

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF "THE PURPOSE OF LEGALIZATION" IN ART. 174¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES

Vladimir Tyunin – Professor, the Department of Criminal Law, Saint-Petersburg University of the Russian Interior Ministry, Doctor of Law, Professor, St. Petersburg; **e-mail: v-tunin@rambler.ru**.

Tatiana Badzgaradze – Associate Professor, the Department of Criminology, Saint-Petersburg University of the Russian Interior Ministry, PhD in Law, St. Petersburg; **e-mail: badzik@mail.ru**.

The article addresses problematic issues of interpretation of the concept of the purpose of legalization (laundering) as an element of a crime. The research focuses on individual qualification issues and problematic matters dealing with evaluation of the crime arising in the investigative and judicial practice.

Keywords: the purpose of a crime; financial transactions and bargains; legalization of criminal proceeds; free circulation; the M.O. of the crime; criminal origin.

В.И. Тюнин, Т.А. Бадзгардзе

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ЦЕЛЬ ЛЕГАЛИЗАЦИИ» В СТАТЬЕ 174¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Владимир Ильич Тюнин – профессор кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; **e-mail: v-tunin@rambler.ru**.

Татьяна Александровна Бадзгардзе – доцент кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: badzik@mail.ru**.

В статье исследуются проблемные вопросы толкования понятия цели легализации (отмывания) как признака состава преступления. Рассматриваются отдельные вопросы квалификации и проблемные аспекты оценки преступления, возникающие в следственной и судебной практике.

Ключевые слова: цель легализации; финансовые операции и сделки; легализация преступных доходов; способ совершения преступления; свободный экономический оборот; криминальное происхождение.

Вопросы правоприменительной практики по делам, предусмотренным статьей 174¹ УК РФ, стали предметом научного анализа с момента ее появления.

В рамках настоящей статьи остановим внимание на проблеме толкования закрепленного в ст. 174¹ УК РФ признака состава преступления, указывающего на цель, ради которой совершаются финан-

совые операции и другие сделки с денежными средствами или иным имуществом. В статье 174¹ УК РФ цель совершения преступления определяется как «придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению» денежными средствами или иным имуществом.

В тексте ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодейст-

вии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [1] придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления определяется как легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем. Не вдаваясь в рассуждения о преимуществе регулятивного закона перед охранительным законом и последовательности их принятия, заметим лишь, что имеет место несогласованность, требующая своего разрешения на законодательном уровне. Представляется, что проблема состоит не только в несогласованности определений, а в сложности самого явления, которое называют легализацией. В литературе, и не только уголовно-правовой, проблеме посвящено большое количество источников, что само по себе свидетельствует о сложности явления и нерешенности ряда вопросов правоприменения. Как писал В.Г. Степанов-Егиянц, в США под отмыванием имущества (средств) понимается процесс, целью которого является придание незаконным доходам видимости законного происхождения [8, с. 849]. Указанный автор и другие отмечают, что легализация имеет определенные этапы [15, с. 175]. Так, например, Д.Е. Злобин называет такие этапы: 1) прерывание связи полученных доходов с совершением преступления; 2) маскировка следов совершения преступления, в результате совершения которого были приобретены легализуемые доходы; 3) включение доходов, полученных преступным путем в легальный гражданско-правовой оборот в целях придания им вида полученных из легального источника [12, с. 649].

Сложность исследуемого явления влияет на выбор юридической конструкции составов преступлений против легализации денежных средств или иного имущества. Неслучайно уголовно-правовая норма ст. 174¹ УК РФ не единожды изменялась. В науке, впрочем, как и правоприменительной практике, так и не появилось единого понимания термина

«легализация» [7, с. 21]. Еще до внесения изменений в текст ст. 174¹ УК РФ и установления единой формулы уголовной ответственности посредством указания на цель преступления – «придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом», – в литературе было высказано две позиции на легализацию. Согласно первой позиции, для легализации обязательна цель [9, с. 311–314], а согласно второй – она не требуется, поскольку в диспозиции ст. 174¹ УК РФ не предусмотрена [18, с. 94–95]. Заметим, что цель, хотя и является признаком субъективной стороны преступления, согласно доктрине уголовного права, определяет характер действий виновных лиц, выполняющих объективную сторону преступления, поэтому требует точного определения либо подробного описания признаков объективной стороны преступления. Следовательно, взгляд на «легализацию» как совокупность признаков объективной стороны при наличии цели или ее отсутствии кардинально отличается.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ неоднократно отмечала, что использование денежных средств или иного имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления, нельзя квалифицировать по ст. 174¹ УК РФ, если такому имуществу не было придано правомерного вида, указанного в статье. Так, по делу А., осужденного по ст. 228¹ УК РФ и ст. 174¹ УК РФ Судебная коллегия Верховного Суда РФ в Определении от 18.02.2008 г. № 13-Д08-2 указала, что под легализацией следует понимать «совершение действий с доходами, полученными от незаконной деятельности, таким образом, чтобы источники этих доходов казались законными, а равно действий, направленных на сокрытие незаконного происхождения таких доходов». Правда, здесь еще нельзя сделать однозначного вывода о том, обязательна ли совокупность действий, позволяющих придать имуществу вид правомерно полученного, и действий, состоящих в сокрытии настоящего источника происхождения имущества (т.е. сокрытии совершенного преступления).

В уголовно-правовой литературе указанная позиция была подвергнута критике профессором П.С. Яни, который полагал, что такие случаи в бизнес-практике, когда сделка совершается для достижения цели легализации (сокрытия преступного источника происхождения средств и пр.), вряд ли возможны [18, с. 99].

Итак, что же такое легализация? Обман ли это, направленный на то, чтобы путем совершения сделки либо финансовой операции ввести в заблуждение и создать видимость законности обладания денежными средствами или иным имуществом, сокрытие источника происхождения такого имущества; сокрытие следов совершения первичного преступления, «стирание» следов с денежных средств или иного имущества, приобретенного лицом в результате совершения преступления; введение в оборот денежных средств или иного имущества посредством совершения финансовых операций или иных сделок с имуществом; следует ли считать легализацией действия, состоящие в «стирании» преступного налета с имущества, если такое имущество используется затем для совершения нового преступления.

Обращение к содержанию приговоров по ст. 174.1 УК РФ свидетельствует, о том, что цель «придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению» денежными средствами или иным имуществом понимается до настоящего времени неоднозначно, несмотря на разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26.02.2019 г. № 1) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». В п. 6 данного постановления указывается, что применительно к сделкам виновное лицо совершает действия, которые «направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанно-

стей». Здесь же отмечается, что «финансовые операции и сделки заведомо для виновного маскируют связь легализуемого имущества с преступным источником его происхождения (основным преступлением)» [2].

В п. 10 постановления указано, что цель легализации «может быть установлена на основании фактических обстоятельств дела, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, а также иных сопряженных с ними действий виновного лица и его соучастников, направленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его свободного оборота».

Следовательно, придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению – это совершение не только финансовых операций и законных сделок (действительных), влекущих введение имущества в свободный (легальный) оборот. Как пишет М.А. Филатова, Верховный Суд отделил достаточно четко финансовые операции от сделок, с одной стороны, и указал, что сделки в тексте ст. 174¹ УК РФ следует понимать весьма широко, поскольку отнес к ним и недействительные сделки [16, с. 90].

Таким образом, легализация означает совершение финансовых операций и других сделок в целях использования имущества, приобретенного в результате совершения преступления в легальной экономической деятельности. При таком взгляде на легализацию цель, указанная в ст. 174¹ УК РФ, приобретает «факультативное» значение для решения вопроса о том, имело ли место преступление, хотя и указывается, что такая цель должна присутствовать у виновного лица [17, с. 36–37].

Обратимся к практике вынесения судебных решений, по которым виновные были осуждены по ст. 174¹ УК РФ. Изучение судебно-следственной практики указывает о большом разнообразии способов легализации преступных доходов, в связи с чем попытки их простого перечисления или градация по какому-либо одному основанию являются нецелесообразными, либо связаны со значительными

трудностями [11, с. 9]. Так, согласно исследованию, проведенному Д.Б. Жамболовым, можно выделить предметные области (зоны) риска, в которых наиболее часто совершаются преступления, связанные с легализацией преступных доходов, а именно – в кредитно-финансовой сфере, в сфере бюджетных отношений (включая налоговую сферу), в области коррупционных правонарушений и в сфере незаконного оборота наркотиков [11, с. 10].

Наиболее часто ст. 174¹ УК РФ применяется при осуждении виновных за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ. В Кассационном Определении от 6 июня 2018 г. по делу Л. (осужден по ст. 228¹ УК РФ, ст. 174¹ УК РФ) Судебная коллегия Верховного Суда РФ по уголовным делам указала, что, исполняя поручение руководителя организованной преступной группы, Л. осуществлял обезличивание денежных средств, полученных в результате преступлений от потребителей наркотиков, путем их безналичных банковских переводов, исключив при этом непосредственную передачу данных денежных средств руководителю. Всего им было осуществлено девять переводов без открытия банковского счета, которые были получены неустановленным лицом. В Определении отмечается что «под легализацией доходов, полученных преступным путем, понимается <...> совершение действий с доходами, полученными от незаконной деятельности, таким образом, чтобы источники этих доходов казались законными, а равно действий, направленных на сокрытие незаконного происхождения таких доходов». Судебная коллегия Верховного Суда РФ пришла к выводу, что «само по себе использование безналичных банковских операций по переводу денег неустановленным лицам не может свидетельствовать о легализации денежных средств. Указанные финансовые операции являлись дополнительным инструментом, направленным на сокрытие преступной деятельности организованной группы в сфере незаконного оборота наркотических средств».

Приговором Выборгского районного

суда Санкт-Петербурга некто В. был осужден по совокупности преступлений по ст. 228¹ УК РФ и ст. 174¹ УК РФ. Осужденным была предложена схема, согласно которой денежные средства за наркотические средства вносились их потребителями посредством электронной системы платежей на специально открытые соучастниками расчетные счета, принадлежащие третьим лицам, неосведомленным о преступной деятельности. С целью «обналичивания» денежных средств посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» денежные средства переводились на банковские расчетные счета, к которым были выпущены банковские карты на имя соучастников организованной группы и на лиц, не осведомленных о преступном происхождении денежных средств, находящихся в пользовании и распоряжении соучастников организованной группы. Полученные денежные средства распределялись между членами преступной группы. На взгляд авторов статьи, в этом случае также не следует говорить о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ.

Что свидетельствует о том, что имела место легализация, предусмотренная ст. 174¹ УК РФ? Сделки и финансовые операции, требующие документального фиксирования, перечисляются в ст. 7 ФЗ от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. 07.04.2020 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». При этом характер самих финансовых операций в законе не указывается. Некоторые из них перечислены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26.02.2019 г. № 1). Совершение таких сделок судами зачастую рассматривается как достаточное основание квалификации по ст. 174.1 УК РФ.

Возвращаясь к делу об осуждении В. по ст. 174¹ УК РФ, заметим, что виновные использовали для сокрытия следов совершения сбыта наркотических средств банковские расчетные счета, проводя «очистку» полученных наличных денеж-

ных средств от «преступного налета». Сложнее определить, являлось ли целью преступников обеспечение возможности «свободного оборота» денежных средств. Что есть «свободный оборот» – остается за пределами разъяснений данных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 32 от 7 июля 2015 г.

Обеспечивали ли совершенные сделки с денежными средствами, в результате которых они были конвертированы и обезличены, их свободный оборот? Попробуем ответить на этот вопрос. Денежные средства могли быть потрачены на удовлетворение материальных потребностей, приобретение драгоценностей, вещей, автомобиля, положены на депозит и пр. Никто бы не потребовал предоставить свидетельства законности приобретения указанных средств. Иное дело, что подозрение могло бы вызвать наличие довольно большого количества денежных средств у конкретного лица, не имеющего высокооплачиваемой работы и не являющегося бизнесменом [10, с. 5]. Тем не менее, суд посчитал, что использование указанного механизма для «очистки» денежных средств с применением расчетного счета (осуществление финансовых операций) следует рассматривать как легализацию.

Приведем пример судебного решения, признавшего К. виновным в легализации и осужденным по ч. 1 ст. 174¹ УК РФ. Полагая, что полученные денежные средства, источником которых был сбыт наркотического средства, могли быть помечены сотрудниками правоохранительных органов и впоследствии использованы как доказательство вины, К. обратился за помощью к Ф., который при помощи банкомата внес эти денежные средства на принадлежащую ему банковскую карту. В последующем денежные средства на такую же сумму были сняты через банкоматы баннотами разного достоинства. Виновный совершил указанные финансовые операции для маскировки получения денежных средств в результате сбыта наркотических средств. Совершение указанных операций не объясняет законного источника происхождения денежных средств, нет и информации о том, на какие цели были «из-

расходованы» денежные средства.

В уголовно-правовой литературе было высказано следующее предложение: по ст. 174¹ УК РФ следует квалифицировать такие операции с денежными средствами, полученными от сбыта наркотических средств, которые одновременно удовлетворяют следующим условиям: а) умысел виновного направлен на придание правомерного вида доходам, полученным в результате совершения преступления; и б) в результате совершенных финансовых операций денежные средства (иное имущество) выглядят как правомерно приобретенные, или, иначе говоря, способны создать условия для их владения как правомерно приобретенными, т.е. «способны фактически (реально) скрыть преступный путь их происхождения и тем самым исключить подозрения со стороны правоохранительных органов и вероятность использования наркодоходов как улики совершения предикатного наркопреступления, а также исключить их конфискацию» [13]. Полагаем, что с таким пониманием легализации следует согласиться.

Судебная практика знает многочисленные примеры квалификации по ст. 174¹ УК РФ деяний, состоящих в распоряжении денежными средствами, приобретенными лицом в результате совершения им преступления. Свидетельствует ли это о создании условий для свободного оборота и легализации?

Так, например, «Судебная коллегия отклонила доводы апелляционного представления о незаконном оправдании Ш. и М., оставив приговор в этой части без изменения, поскольку при совершении осужденными хищения путем обмана денежных средств, перечисленных ИФНС в качестве возмещения НДС, указанные денежные средства имели правомерный вид – платеж, перечисленный из бюджета, вследствие чего проводить с ними финансовые операции необходимости не имелось» [4]. Иначе говоря, если преступление (хищение) явилось источником происхождения денежных средств, было раскрыто и установлено, что виновные завладели ими незаконно, то последующие действия, совершенные с имуществом

(денежными средствами) в форме финансовых операций, не могут рассматриваться как легализация.

Приведем и другие примеры неверной квалификации деяний по ст. 174¹ УК РФ. Так, З. осужден по ч.1 ст. 160 УК РФ и ч. 1 ст. 174¹ УК РФ Василеостровским районным судом г. Санкт-Петербурга. Являясь менеджером по продажам и материально ответственным лицом, используя свое служебное положение, при проведении инкассации денежных средств из платежных терминалов З. похитил денежные средства в сумме 45000 руб., которые обратил в свою собственность. Похищенные им денежные средства виновный внес на банковскую карту, оформленную на его имя в ПАО «Сбербанк России» и в дальнейшем, в счет погашения арендной платы, перевел за квартиру денежные средства в сумме 19800 руб. на банковскую карту в АО «Райффайзенбанк», оформленную на собственника квартиры.

Некто А. был осужден по ст. 158 УК РФ и ст. 174¹ УК РФ. Имея свободный доступ к платежному терминалу, А. неоднократно незаконно совершал банковские операции по переводу денежных средств на свой банковский счет, открытый и обслуживаемый в филиале ПАО «Сбербанк России», за якобы ранее приобретенный у ООО «Гермес» товар. Часть похищенных денежных средств А. потратил на приобретение мобильного телефона «Samsung Galaxy S7 Edge», стоимостью 50980 руб. и сервисную программу для телефонов «Samsung» («Самсунг») стоимостью 5999 руб.

Легализация имущества – это не только сокрытие следов совершенного первичного преступления, а прежде всего придание денежным средствам или иному имуществу, приобретенному в результате совершения лицом преступления, вида законно полученного, на которое у виновного возникают права либо создается видимость возникновения прав. Суды, по замечанию А.Н. Ляскало, как правило, не приводят в приговоре доказательств наличия цели легализации, являющейся обязательным признаком преступления, ограничиваясь констатацией совершения фи-

нансовых операций [14, с. 44]. Соглашаясь с И.С. Александровым [6, с. 7, 9] в том, что о наличии составов «легализации» свидетельствует введение имущества (денежных средств) в легальный (официальный) оборот, тем не менее, заметим, что такое введение при отсутствии цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению имуществом нельзя квалифицировать по ст. 174¹ УК РФ.

Приведем еще один пример квалификации деяния, оцененного как легализация. Согласно приговору Советского районного суда г. Брянска № 1-221/2020 от 27 июля 2020 г. по делу № 1-221/2020 гражданин А. решил придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами, полученными в качестве платы за совершение сбыта наркотических средств. Легализовать денежные средства он решил путем приобретения недвижимости (двухкомнатной квартиры), используя механизм ипотечного кредитования. Полученные денежные средства от сбыта наркотиков он получал в виде криптовалюты, после накопления определенной суммы обналечил «биткоины» в рубли. Для маскировки полученных от преступной деятельности доходов виновный устроился на работу менеджером по персоналу и по прошествии определенного срока, необходимого для получения кредита, подал заявку в ПАО «Совкомбанк».

Денежные средства, полученные преступным путем, были зачислены им на банковский счет, с которого в последующем были вместе с заемными денежными средствами перечислены застройщику. После исполнения застройщиком договора А. оформил право собственности на квартиру.

Насколько оправдано применение в данном деле ст. 174.1 УК РФ? Виновный совершил финансовые операции, маскировал происхождение денежных средств, денежные средства, полученные преступным путем, были использованы им для приобретения недвижимости. Но были ли созданы им условия для введения их в свободный оборот?

Примером «классической» легализации, подпадающей под действие ст. 174¹ УК РФ, является уголовное дело в отношении К., осужденного по ч. 3 ст. 174¹ УК РФ (ред. 11.03.2011 г. – ФЗ № 26). После совершения преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, К. организовал и обеспечил маскировку совершенного мошенничества в отношении автомоечного комплекса с привлечением различных физических и юридических лиц, заключением фиктивных договоров купли-продажи и контролем за деятельностью номинального владельца, которому было передано имущество, фактически явившись бенефициаром похищенного имущества, незаконно введенного в экономический оборот и приносящего доход (Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 мая 2018 г. № 39-П18).

Подводя итог, рассмотрим и дадим оценку некоторым решениям судебных инстанций Верховного Суда РФ по уголовным делам, где виновным вменялось или они были осуждены по ст. 174¹ УК РФ.

В апелляционном приговоре по делу Абдурахманова Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что преступление, предусмотренное ст. 174¹ УК РФ, «относится к сфере экономической деятельности, и его необходимым элементом является цель вовлечения денежных средств и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, в легальный экономический оборот». При этом совершаемые финансовые операции и сделки с имуществом должны иметь целью «установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придание им видимости законности (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, имущества, выполнение работ, оказание услуг)». Поскольку таких целей виновный не преследовал, а финансовые операции совершались для конспирации способа получения доходов, было принято решение об оправдании А. по п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ.

По схожему делу в отношении Б. Судебная коллегия Верховного Суда РФ в Кассационном Определении от 29 октября 2020 г. № 38-УД20-8-К1 также отметила, что обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, является «цель вовлечения денежных средств и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, в легальный экономический оборот с тем, чтобы скрыть их криминальное происхождение, придать им видимость законно полученных и создать возможность для извлечения последующей выгоды». Таким образом, было указано на совокупность признаков, характеризующих преступное поведение виновного лица при совершении преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ (введение в экономический оборот и сокрытие криминального происхождения). Такой подход к оценке легализации Верховный Суд РФ продемонстрировал и в других своих решениях по делам рассматриваемой категории [3]. Развивая понятие «свободный оборот», Верховный Суд РФ по конкретным уголовным делам, интерпретируя это понятие, говорит о возможности извлечения последующей выгоды, что приближает поведение виновного к предпринимательской деятельности, целью которой является извлечение прибыли.

Полагаем, что деяния, выражающиеся в совершении финансовых операций, будут по-прежнему во многих случаях необоснованно квалифицироваться по ст. 174¹ УК РФ, а цель придания правомерности владения, пользования и распоряжения не получит однозначной интерпретации в судебной практике. Причинами неоднозначной оценки является сложность самого явления, получившего название «легализация»; отсутствие четкого понимания общественной опасности преступления; несовершенство конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ; несовершенство законодательства, регламентирующего проверку законности происхождения имущества у физических лиц и юридических лиц; противоречивость и неполнота разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума

Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32.

В настоящее время судебносудебная практика применения ст. 174¹ УК РФ зачастую не способствует противодействию легализации денежных средств и иного имущества, она неэффективна, поскольку требуются дополнительные усилия на расследование «фиктивных» преступлений (по данным статистики Судебного департамента Верховного Суда РФ в 2020 г. по всем частям ст. 174¹ УК РФ было осуждено 279 человек, в отношении скольких из них приговор будет пересмотрен – неизвестно) [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.07.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 г. № 32 (ред. от 26.02.2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 4.

3. Кассационное Определение Верховного Суда РФ от 13 января 2021 г. № 36-УД20-7-К2 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.legalacts.ru> (дата обращения: 02.07.2021).

4. Обзор судебной практики Красноярского краевого суда по результатам рассмотрения в 2018 г. преступлений в сфере экономической деятельности // Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2020 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?>

id=79&item=5669 (дата обращения: 08.07.2021).

6. Александров И. К вопросу о значении правильного определения объекта преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ // Уголовное право. 2019. № 3. С. 4–9.

7. Ахмедов А.Г., Бозиев Т.О. Уголовно-правовая характеристика и способы обналаживания денежных средств // Журнал правовых и экономических исследований. 2008. № 4. С. 20–25.

8. Баранов В.М., Фитуни Л.Л. Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: сб. статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. 849 с.

9. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 311–314.

10. Галкин Д.В. Расследование легализации (отмывания) преступных доходов: основные подходы к доказыванию умысла // Российский следователь. 2017. № 14. С. 3–5.

11. Жамбалов Д.Б. О способах и следах легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (9). С. 8–15.

12. Злобин Д.Е. Способы легализации доходов, полученных преступным путем // Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: сб. статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 647–652.

13. Квалификация операций с денежными средствами, полученными от наркопреступлений. URL: <http://www.5898523.ru/kvalifikacii-operaciy-s-denezhnyimi-st/> (дата обращения: 08.07.2021).

14. Ляско А. Уголовно-правовая оценка субъективных признаков легализации (отмывания) денежных средств и

иною имущества, приобретенных преступным путем // Уголовное право. 2014. № 1. С. 44–50.

15. *Степанов-Егиянц В.Г.* Ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств по законодательству США // Легализация преступных доходов как угроза экономической безопасности России: теория, практика, техника гармонизации международно-правовых и национальных механизмов противодействия: сб. статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 173–181.

16. *Филатова М.А.* Разрешение Пленумом Верховного Суда спорных вопросов понимания легализации преступных

доходов // Уголовное право. 2016. № 3. С. 86–93.

17. *Филатова М.А., Яни П.С.* Взаимосвязанные проблемы квалификации мошенничества и легализации преступных доходов // Законность. 2018. № 7. С. 33–38.

18. *Яни П.С.* Решение законодателем и Верховным Судом проблем уголовной ответственности за легализацию преступных доходов и коррупция в органах государственной власти: теория, практика, техника противодействия: сб. статей. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. С. 94–95.